

САБЛЕЗУБЫЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТАЛИНА ЧЕРЕДИЙ

18+

Галина Череди́й

Саблезубый

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Чередий Г. В.

Саблезубый / Г. В. Чередий — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Бессердечный бабник. Вечный гулящий котяра. Циничный шутник, уверенный, что все бабы одинаково продажны, дело только в сумме. На первый взгляд. Загадочная красавица. Отчаявшаяся беглянка с мертвым уже сердцем. Она пойдет на все что угодно ради сохранения так трудно доставшейся свободы. Никому не готовая позволить на нее снова посягнуть. На первый взгляд. Случайная встреча. Желание, вспыхнувшее жарко вопреки всякой логике. Вынужденное сожителство. Разве у них есть шанс на «долго и счастливо»? История Андрея Боева, друга Яра Камнева из «Гризли». Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Галина Череди́й

Саблезубый

В оформлении обложки использована фотография Sensual brunette woman. Sexy fashion model with long brown hair (ID:934658928) с сайта <https://www.istockphoto.com> по стандартной лицензии.

Глава 1

– Боев, ты совсем, что ли, *банулся? – вылетел нам с Камневым навстречу Колька Шаповалов, стоило только вылезти из тачки.

– Уточнишь, о чем ты конкретно? – нагло осклабился я. Знал, само собой, в чем дело, просто нравилось мне его выбешивать.

Шаповалов стал нашим совладельцем всего год назад, раньше мы просто дружили. Хороший парень, положиться можно при любом раскладе, почти как на Яра. Столько вместе пройдено, столько выпито, сколько саун объезжено, сколько шлюх оттрах...

– Типа ты не знаешь! – Колька аж пятнами весь пошел красными и запыхтел, как перегруженный тягач на старте.

Хороший парень он. Был. Но вот приспичило и ему остепениться. Ладно Камнев, тот вообще никогда особо ходоком или ушлым *барем не был. Унылый тип, бя. Если и удавалось его вытащить с нами, то такое чувство вечно было, что ему все это не в кайф. Типа выбрался чисто лишнее отлить, давление, в мать ее, системе спустить, а совсем не потрахаться отвязно и от души. У меня такое впечатление, что этот долбаный лебедь-одно*б переживал время после ухода сучки, первой жены, до встречи со своей ядовитой погребушкой. Как чуял, что такая напасть ему камнем с неба упадет однажды. Вот ни черта человек не умеет удовольствие от жизни и свободы получать. А теперь еще и этот заразился. *баная инфлюэнца моногамии. Фу, чур меня. Противогаз хоть бери и носи. Или скафандр. И ходишь среди этих подкаблучников целыми днями, пялишься на их рожи дурацко-довольные. Аж несварение у меня. Как будто периодических обедов от Роксаны Камневой-Борджия мне мало. Впрочем, она в последнее время ничё так готовить стала. Обходится почти без изжоги и поноса. Шучу.

– Понятия не имею, – пожал я плечами, скорчив невинную рожу.

– Что опять? – нахмурился Камнев, строго глянув на меня.

– Ты не в курсе еще? – взвился пуще прежнего Шаповалов. – Этот мудила-юморист нам новую секретаршу нанял!

Ну правильно, Сонька-то ушла в декрет. И я тут не при чем! Она сама со своим благоверным. Я хоть и бл*дво, не отрицаю ни разу, но одно дело – веселуха без последствий, и другое – дети.

– Что не так-то? – Я уже еле сдерживался, ожидая и реакцию Яра. – И разве ты не должен уже сидеть на чемоданах и предвкушать отдых в теплых странах? Хотя, конечно, какой там отдых, со своим-то самоваром...

– Я заскочил на минутку, документы оставить, а тут такое!

– Ну так оставляй и езжай расслабляйся, вон нервы ни к черту. В чем проблема, алё?

– Андрюха? – напрягся друг, хмурясь.

– В чем проблема? – продолжил разоряться на всю парковку Колька. – То есть, по-твоему, посадить в приемной проститутку – это нормально?

– Бывшую, – поправил я, ухмыляясь.

Густые брови Камнева поползли вверх.

– Вы серьезно?

– Еще как серьезно. Он Кристину взял!

– И что? – отошел я от обоих на пару шагов. На всякий. Смотри, какие все дерганные стали. От счастливой семейной жизни, небось, никак не иначе. – Она ушла же уже с панели. Хорошая девочка. Смазливенькая. Сговорчивая. Массаж опять же делать умеет.

– Ага, и сосет по первому требованию, да? – ткнул в меня обвиняюще пальцем почти женатый истерик.

– Во-первых, совесть имей орать непристойности посреди улицы, – поучающим тоном начал я, развлекаясь.

– Я тебе сейчас в челюсть *бну посреди этой улицы, – пообещал зачинщик хипиша. И так убедительно пообещал, прямо слушаешь и веришь.

– А во-вторых, – невозмутимо продолжил я, – ты и сам совсем недавно высоко оценивал... профессиональные навыки Крестюши. Да и Камень вон не раз...

– Вот сейчас заткнись, – тихо, но веско рыкнул Яр своим фирменным «ты почти нарвался» тоном.

– Дебил, у меня тогда еще Аньки не было!

– А у меня никого и по сей день нет. В чем проблема? В себе не уверены, мужики?

– Да ты соображаешь, что будет, когда Анька ко мне на работу решит заскочить? У этой же на лбу прямо весь список предоставляемых услуг написан заодно с ценником! А одета она как? Камнев, ну скажи ты этому бл*дуну конченому, что работа и шалавы должны быть отдельно.

– Андрюха, – только и произнес Яр и покачал головой. Ему триндеть не надо, чтобы донести свою позицию.

– Ну чего вы взъелись? Девочка новую жизнь начинает, может, ей шанс нужен. Где ваше... это... как его... желание помочь ближнему своему.

Ага, местами-то девочка у нас всех случалась ближе некуда.

– Ей шанс, или тебе обслуживание в рабочее время?

– А вот не хрен завидовать, вы вон оба же у нас счастливые... э-э-э... семейники... семьянины, так что вам от нее только кофе светит.

Камнев молча пошел вперед. И ожидаемо, только заметив его, Крестиночка расплылась в сладкой зазывной улыбочке и подскочила, потопав навстречу, по-бл*дски вертя задницей, едва прикрытой суперкороткой юбкой.

– Ярик, приве-е-ет! – пропела она, подплывая к другу, нарочно максимально выставляя напоказ сиськи, обтянутые тонкой блузкой, сквозь которую четко обозначились ее напрягшиеся соски.

Крестюша у нас к Камневу слабость давно питает. По большей части, конечно, к его оружию смерти между ногами, но были у нее, насколько знаю, и иллюзии наложить лапки и на все остальное.

– Я так рада, что мы теперь будем вместе работать! – продолжила лить сироп девушка, соблазнительно помахивая ресницами. Даже облизалась демонстративно. Дура. – Я буду очень-очень стараться. Любые ваши указания, только скажите.

Ну ладно, должен признать, что девка может уйти с панели, но далеко не из каждой реально вывести панель.

Камнев смотрел на ритуальные пляски Крестины с заледеневшим лицом секунд тридцать. Повернулся ко мне.

– Убирай, – сказал он отрывисто. – Рокс придет – будем труп прятать. Два трупа.

– Что? – захлопала огромными ресницами бывшая эскортница, глядя в спину уходящему Камневу.

– А я тебе говорил, – фыркнул Шаповалов и пошел за Яром.

Ну не прокатило, чего уж.

– Крестин, ты дура? – спросил явно начавшую злиться девку. – Не могла хоть в первый день одеться прилично и не пытаться чуть ли не с разбегу на член к Камню запрыгнуть?

– Нормально я одета, – возразила она и притопнула ногой, обутой в «трахни меня» красную туфлю. – Ты серьезно думал, что я тут вам кофе с чаем носить собиралась? Смысл время тратить попусту?

Я вытащил бумажник, достал сто баксов и сунул ей в декольте.

– Давай-ка ты домой пока, детка. Вечером завтра подтягивайся в сауну на Вавилова, часам к десяти. Мы с парнями с фирмы устраиваем там предновогодний корпоративчик.

– Ярик будет? – сверкнула она хищно глазками.

– Сука, да усвой ты уже, что он теперь на всю голову окольцованный, другой бабой присвоенный и полностью недоступный.

– Не бывает таких, – фыркнула Кристина. – Уж не мне это втирай.

– Не нарывайся лучше. И Камнева с другими не равняй. Он особой породы. – У Кристины дернулось красивое личико, а во взгляде появилась болезненная зависть. – Так что насчет сауны?

– Я же сказала, что с этим завязала! – с почти достоверной обидой поджала губешки она. Эх, жалость, рот у нее суперрабочий, иметь такой под рукой – ну прелесть же идея. Минет под утренний кофе – лучшее начало рабочего дня. Долбоящера два кастрированных!

– Завязала – не приходи, – пожал я безразлично плечами и пошел восвояси, не оборачиваясь. Придет ведь, знаю.

Перед кабинетом Камнева столкнулся с вылетевшим обратно Колькой, который зыркнул на меня осуждающе и умотал. Весь какой-то взъерошенный стал. Вот ясно, почему Яр периодически за*банный, хоть и скалится счастливо: у него погремушка – это вам не сладкий леденец на палочке, да еще и на сносях. Вот-вот уже вроде Камненку рожаться. А этот-то чего? У него же только недавно конфетно-букетный период кончился. Из-за Кристины прям так завелся?

– Перебор, – буркнул мне Камнев, как только вошел.

– Ой, да брось. Могло стать в офисе повеселее, если бы не вы, ссыкуны.

– Я посмотрю, как ты в свое время ссаться будешь, – улыбнулся скупно друг.

– Не посмотришь. Я вольный стрелок и таким и останусь. Кольцо на палец надевают, а не на член. Я если и соберусь узакониться с кем-то и размножением заняться, то об этом прямым текстом и скажу. Бабы должны четко понимать, что у каждой свое место и роль. Одни – детям сопلي вытирать, жрать варить, в законных женах ходить. Другие – для радости, веселья и расслабухи.

– Дебил ты, Боев, вот как есть дебил. И чую, жизнь тебе за это таких трындюлей отвесит.

– Я хорошо сдачи давать могу.

– Ну-ну. Я завтра на объект за городом. В офисе не появлюсь. Смотри тут, не начуди.

– И что, к нам в сауну и на полчаса не заскочишь?

– На кой мне?

– Ну мало ли. Это не у меня жена с пузом и капризами. Вдруг чего захочешь.

– Нет у Рокс никаких капризов. А тебе поумнеть пора.

– Как ты?

– Зачем как я? По-своему.

Глава 2

– Все кривишься и рожу воротишь, гадина? – Вознесенского сильно шатнуло влево, и он был вынужден отпустить мой подбородок, чтобы опереться на руку одного из моих надзирателей. Но тут же оттолкнул ее и оскалился на парня: – Пошел на х*й, холоп! *бешь ее, небось, за моей спиной, а?

Так, ясно, старый гондон нажрался в очередной раз до синих чертей. Херово. Пьяный он часами может не кончать, мордуя меня. Но что еще хуже, у него может вообще не встать, и вот тогда действительно меня ждет «веселье». Начнет зло срывать по-другому. А у меня еще с прошлого раза не все синие полосы со спины и задницы сошли. Лицо-то ублюдок никогда не трогает. Ему потом по утрам, видишь ли, смотреть на меня больно. Его тонкая душевная организация не выносит вида побоев на женских лицах. А вот ремнем своим армейский отхерачить – это запросто. Но опять же, в одежде. Через нее-то не видно ничего, да и кожа целая остается. Он же меня типа учит уму-разуму по-отечески, правильно в жизни молодую и бестолковую ориентирует. Заботливый, п*дор.

– С ним *бешься, Катька? Или вон с Маратом? – покачиваясь, пьяный ублюдок пошел на меня.

С обоими, бля, чего уж мелочиться, так и хотелось выкрикнуть мне в его красную рожу. Но делать этого нельзя, я же не мазохистка. За эти два года поняла, что лучше промолчать и перетерпеть. Быстрее закруглится. А вот по первости и огрызалась, и дралась, и убегала.

– Отвечай! – рявкнул Вознесенский, хватая меня опять за подбородок, стискивая до боли и запрокидывая голову. Уставился в лицо остекленевшим взглядом, засопел и принялся елозить большим пальцем по моей нижней губе, нажимая все сильнее. – Сучка... Что же в тебе такого, тварь неблагодарная, а? Вы*бать бы да выкинуть, паскуду холодную. Кукла бл*дская, у меня же от тебя все нутро уже сгорело до углей, а ты хоть бы раз глянула поласковой.

От бухла у тебя нутро сгорело, козлина. Хер тебе по всей морде. К жене своей топай, она пусть и улыбается тебе.

– Я тебя, коза драная, с помойки вытащил. Кем бы стала без меня? Шалавой-алкашкой, как мамаша твоя. Одел, обул, цацками засыпал. Я жене столько брюликов не дарил, как тебе, гадюка! – Засунь себе свои побрякушки в жопу, урод! – Хату купил, личный водитель, охрана у нее. – Ну да, тюрьма и надзиратели. Ни шагу в сторону, прыжок – попытка улететь. – А ты рожу от меня все воротишь! Ноги раздвигаешь, как одолжение делаешь!

Он влепил в мои губы своими пельменями, пропихивая в рот язык. Меня тут же затошнило. Со всем я уже свылась, но вот целовать его было невыносимо. И даже терпеть, пока сам во рту у меня елозил. Уж лучше отсосать ему, чем это. Как прямо в душу гадит. Хуже, чем когда трахает.

Давясь начавшимися рвотными позывами, я отшатнулась и дернула пояс шелкового халата, сбросила его с плеч, оставаясь голой. Мне плевать, что охранники пялятся. Они уже чего только не навидались.

– Пойдем в постель, – позвала своего мучителя и, повернувшись, пошла по коридору в сторону спальни.

– Х*ли вы zenки свои в нее уперли! – заорал Вознесенский. – Узнаю, что хоть кто в нее хер свой сунул – урою! Кастрирую собственными руками, на куски живьем порубаю и урою! Ясно?! Это моя баба, моя!

Он еще верещал, а я вытянулась на животе поперек постели и подложила руки под щеку, уставившись в телек. Внутри привычно растекалось онемение, я себя уже выдрессировала «включать» его каждый раз. Иначе бы сдохла, наверное.

– Лицом повернись ко мне, дрянь! – велел стягивающий с себя шмотки Вознесенский, и я подчинилась. Не похер ли как, лишь бы побыстрее. – Ненавидишь меня, да, Катька? А мне пох*й на твою ненависть.

На самом деле сейчас я не чувствовала уже ничего. Ненависть была поначалу и жгла меня же живо. Мне и без нее мучений хватало.

– А знаешь почему? – нависнув надо, мной Дмитрий жрал меня плотоядным взглядом, грубо лапая за грудь и больно скручивая соски. – Потому что ты моя вещь. Я тебя купил с потрохами. Купил, поняла? Если посмеешь еще перед кем ноги раздвинуть, я с тебя шкуру спущу. А потом вылечу и снова драть буду. – Он навалился, умащиваясь между моих ног. – Моя, поняла? Моя... моя... Не отпущу. Удавлю сам, но никому не достанешься. Любого, кто хоть прикоснется, замочу. Поняла?

Да все я поняла. Каждый раз талдычит это, когда трахает, пока под конец не раскисает и не начинает сюсюкать да соплями и слезам меня своими пачкать. Любит типа он меня, ага. Во все щели прямо. Роковая страсть у него: увидел – и пропал. Сердце у него из-за меня болит. Да откуда у тебя сердце, мразь? У тебя хер и твои хотелки вместо него. Хоть бы ты сдох уже. Кончил и сдох. А я бы встала, подмылась и свалила отсюда в жизнь. Ту самую, которой у меня еще и не было. Работу бы нашла. Учиться пошла. На доктора. Мать бы от пьянства вылечила. И никто бы нам уже никогда не угрожал.

Жестокий укус в шею заставил меня вернуться из пространства, куда себя отправляла в такие моменты.

– На меня смотри! – навис Дмитрий надо мной. – На меня! Не смей представлять себе кого-то. Я тебя имею! Я!

И он сжал мое горло, начав толкаться с такой скоростью, что аж сипеть от натуги стал.

– Нравится тебе так, а? Нравится, шлюха? – пыхтел он.

О да, продолжай, дорогой! Мне так хорошо при мысли, что тебя от такого темпа может удар хватить. Инсульт, скажем, долбануть. И будешь ты лежать беспомощный, а все вокруг примутся глумиться над тобой. Потому что ты не только меня за*бал, тебя все ненавидят.

– Через неделю на Кипр едем, – сообщил мне Вознесенский, что так и не откинувшись, к сожалению. Хрипит вон, потный, вонючий, но живой. – У дочки свадьба там. Я тебя на этаж ниже поселю. Чтобы под рукой была. А то оставь тут, и всех охранников в постель перетаскаешь. Каждому дашь, да?

Дам, конечно. Хоть узнаю, как это – по своей воле. Для чего-то же другие бабы спят с мужиками. Не все же, как я, или из-за бабок. Есть и по любви. Или просто для удовольствия.

– Ты меня слышишь? – поднялся Дмитрий на локте и опять уставился мне в лицо. Протянул руку и принялся оглаживать щеки и губы. – Что же ты за девка такая, Катька? Смотрю на тебя и помираю. Крючит всего и душит. Я же все для тебя готов... все... А ты как мертвая. Слова лишнего не скажешь. Сама не дотронешься никогда. Убью ведь я тебя однажды. Убью реально.

– Ну началось снова! – закатила я глаза и вскочила с постели, желая смыть с себя все следы его прикосновений. – Ты домой когда?

– Дождаться не можешь, когда свалю? Обломайся! С тобой останусь сегодня!

Как же я это терпеть не могу! Еще и храп его слушать.

Бессонная ночь тянулась бесконечно. И только ранним утром я стала придремывать. Вознесенский поднялся в полседьмого, я лежала неподвижно, с закрытыми глазами, и надеялась, что его с утра на секс не потянет. Он собрался, но еще минут пять стоял над кроватью, пялясь на меня. Ушел, хлопнула входная дверь, и я сорвалась на балкон при спальне. Вытащила припрятанную под креслом пачку сигарет и зажигалку и с удовольствием затянулась, слушая, как загудел внизу в гараже движок его тачки. Слушать, как он сваливает, – одно из моих малочис-

ленных удовольствий. Как и покурить ему вслед, зная, как он ненавидит запах сигаретного дыма.

– Эй, Димасик, тормози! – услышала я со своего места голос матери. Судя по нему, она вдатая и сильно. Впрочем, как всегда.

– Ты охренела, курва старая?! Какой я тебе Димасик! – зарычал невидимый мне Вознесенский.

Я аж дымом подавилась. Мама, куда ты лезешь? Он же сейчас опять тебя избить прикажет. Как же, целого мэра-самодержца Димасиком назвать. Уже почти высунулась закричать ей, но тут почему-то приморозило на месте.

– Ну как же, зятек почти. Вон дочку мою любимую, красавицу, кровиночку дерешь. Родня почти, – мать засмеялась, и я поежилась от ее циничного тона. Я-то привыкла слышать ее слезливой и жалобной, утешающей меня, по возможности, и причитающей от страха.

– Ты чего приперлась, дура?

– Так это... деньжат бы мне. Хотела у дочки перехватить. А тут ты, смотрю.

– Я тебе в этом месяце уже платил, отвали. Ты и эти не отработываешь.

Что?

– Так не хватает мне. Добавить бы.

– А за что тебе добавлять? Ты же дочь свою научить, как быть со своим благодетелем поласковей, не можешь. Как была бревно с глазами, так и осталась. Дождетесь, выкину вас, как мусор. Мало, что ли, девок свежих.

– Ну ты-то на мою Катьку запал. Запа-а-ал, не звизди, Димасик. Потому что она у меня брильянт!

– Кусок камня твоя Катька. Не одумается – выкину. Или вообще Кривому в его притон продам. Там ее быстро научат, как быть с клиентами ласковой да услужливой.

– Да не пенься ты. Слышь, а давай по новой твои амбалы меня чуть помнут, как в тот раз, в больничку положим. Катьку привезешь, я ей поплачусь, попрошу мать пожалеть. Мол, из-за ее упрямства мне страдать. Или там болячку мне страшную придумаем. Чтобы денег много надо. Она тогда расстарается, вот увидишь.

Сигарета выпала у меня из пальцев. Как же так, мама? Как так?

– Тихо ты, идиотка бухая! – шикнул на нее Вознесенский. – В машину быстро села!

Я поднесла трясущуюся руку к лицу, тупо глядя на нее, и перед глазами все расплывалось. Моя реальность расплывалась. Выворачивалась наизнанку. Как. Же. Так?

– Катерина Олеговна! У вас все в порядке?

Марат вывел меня из ступора, появившись на балконе. Проморгавшись, я поняла, что дико замерзла. Ведь вышла на балкон в одном халате и сижу тут черт-те сколько.

– Кать, что, сильно лютовал в этот раз? – спросил охранник уже тише. – Смотри, синяя ты уже вся, застыла. Заболеешь, он нам всем таких пистонов навставляет. Иди внутрь.

Я медленно поднялась и зашла в спальню.

– Давай ванну наберу горячую, – продолжил суету Марат.

Я глянула на дверь. Второго надзирателя, Алексея, редкого гада, кстати, не было видно. Торопливо подбежала к сейфу в стене и открыла его. Загребла пятерней, как мусор, кучу украшений и подскочила к мужчине.

– Марат, ради бога, помоги мне свалить отсюда! – зашептала ему в ухо, запихивая сверкающее содержимое ладони в его карман.

– Сдурела! – шархнулся от меня. – У меня семья, дочери вон. Вознесенский нас закопает, если тебя упустим.

– Умоляю! – плюхнулась я на колени. – Если твою дочь так... на мое место...

– Не смей! – шипел он на меня. – Что я могу, Кать? Ну чего тебе с ним не живется нормально? Погладь разок, улыбнись, и он усрется от счастья. Что тебе стоит? Другие бы горло за такую жизнь перегрызли любому.

– Вот пусть и грызут. – Руки у меня опустились, и я села на толстый ковер, усмехаясь глядя на россыпь золота, платины и сверкающих камней ценой в целое состояние.

– Кать... – Марат топтался рядом. – Кать... Если сбежишь, он же мать твою...

Я вскинула голову.

– Что? Покалечит? Убьет? Не гони мне!

– Откуда узнала?

– Что меня, оказывается, продали? Не похер ли.

А я ведь терпела, все думала, что спасительница вся из себя. Единственному родному человеку жизнь и здоровье сохраняю, ложась под этого мерзавца. А не главный он, выходит, мерзавец. Настойчивый покупатель, точнее. Купил вещь, пользуется как хочется.

Марат ушел, скорее уж, сбежал. Но вечером, заноса на кухню доставленный, как обычно, из ресторана ужин шепнул мне одними губами: «В аэропорту. Будь готова».

Глава 3

– Давайте, езжайте все вместе, мужики! – махнул я парням в холле.
– Так а на посту... – начал новичок Трофимов, но я заткнул его.
– Слышь, начальство говорит, езжай кайфовать – значит, надо исполнять. Кому наш офис сдался, что тут красть? Валите, я сам все закрою.

– Но Ярослав Григор...

– Камнева тут нет и уже до послезавтра не будет. Все, вперед, нас ждут вискарь, водяра, жрачка от пуза и сиськи. Много-много сочных сисек.

Больше возражений не последовало, и все вывалились в двери, оставляя меня в тишине. Оно и понятно – какой нормальный мужик откажется от такой заманухи? Пожрать, набухаться и потрахаться на халяву. Разве что один из этих придурочных семейников. Оно же уныло сидеть около одной задницы, ожидая благосклонности, куда как приятнее, чем без всякого напряжения оттянуться с любой другой доступной. Как же, та, единственная, прям золотая. Или п*зда там поперек. Я неторопливо прошелся, проверяя двери всех кабинетов и черный ход. Конечно, я подобрал подчиненных на безобразия и безответственность, но сам-то все контролирую, и один раз в году – ни разу не водолаз. Не распустятся небось. Пусть кайфанут, лучше работать будут и начальство крепче любить.

Поймав свое отражение в темном стекле, я отчего-то завис. Четыре года назад, день в день, да, Андрюха? Четыре года. Забил же вроде, пошел дальше. Живу не тужу. А вот вдруг ни с чего, словно опять как пинок смачный с оттягом прямиком по голому сердцу.

– Юль, хорош, ты обещала, – процедил я, глядя на ее роскошные светлые волосы, рассыпавшиеся по обнаженной спине.

Как же они всегда пахли! Роскошью, что ли, мечтой пацанячьей о том, что такому, как я, только чудом обломиться могло. Только носом утыкался – и уносило к хренам.

– Андрюша, ну не начинай, а, – глянула Юлька через плечо, торопливо натягивая чулок. – Ну не могу я сейчас.

– Ты мне это уже год повторяешь, – начал заводиться я. – Когда?

– Когда будет подходящий момент. – Она вскочила и, повернувшись ко мне боком, надевала лифчик. У меня опять вставал просто от взгляда на очертания ее груди в тусклом свете номера.

– Когда он будет? – нажал я, садясь и чувствуя внезапное поганое такое головокружение и удушье. Я знал ответ. Уже знал. Может, даже с самого начала. Знал, но не хотел этого.

– Малыш, ну что ты снова? – Мурлыкающий тон, от которого у меня раньше в голове плыло, сейчас почудился каким-то оскорбительным. Будто я недалекий, одноклеточный и капризный на пустом месте. – Ну все же хорошо у нас? Ты меня просто с ума сводишь от удовольствия. Потерпи, я постараюсь еще разок на этой неделе вырваться...

– Да какого хера, Юль! – не выдержав, взорвался я, вскакивая. – Я тебя про что спрашиваю? Про очередной сеанс по*баться, что ли?

– Андрюша... – брезгливо поморщилась женщина, сожравшая мои мозги. – Ну я же тебя просила. Ладно я еще во время секса терплю эту твою матерщину, но не сейчас...

– Кончай мне херню городить! – Я схватил ее за плечи и тряхнул, глядя в глаза, в которых себя терял. – Меня затрахало отпускать тебя каждый раз к нему! Ты моя или нет? Когда ты ему скажешь и переберешься ко мне?

– Да прекрати, Боев! – с неожиданным раздражением Юля дернула локтями, освобождаясь и отступая от меня подальше. – Ну как ты себе это представляешь?

– Что?

– Мой переезд. Куда? В твою двушку после загородного дома в триста квадратов? Я твоя и так. С тобой сплю.

– Ты со мной трахаешься, а спишь с ним. Живешь с ним. Дом тебе нужен? Так скажи какой, я тебе отстрою!

– Как будто в доме дело! Да, я с Костей живу. А тебе чего надо? Чтобы мы задницами терлись каждые день и ночь? Чтобы я в халате домашнем тебе борщи варила и носки стирала? А я этого не хочу, Боев, ясно?! Меня устраивает моя жизнь, где мне ничего этого делать не надо. Того, что денег может на что-то не хватить, не надо.

– Так дело все в бабках? Думаешь, я не заработаю, сколько тебе нужно?

– Боюсь, ты даже не представляешь, сколько нужно для того, чтобы иметь меня в качестве жены, Андрюша.

– Потяну.

– Господи, ну как тебе еще-то объяснить! – От раздражения она даже ногой притопнула. – Без обид, но кто ты? Совладелец охранного бизнеса Андрей Боев? Кто тебя знает? А он – Константин Завадский. Нефть, алмазы, связи, имя, положение. Куда я буду выходить с тобой? Максимум раз в неделю в ресторан? У меня есть все, что нужно. Уже есть. Так понятнее?

– Все, что нужно, да? Муж – для бабок и жизни роскошной, выходов в свет, и дурак Боев – для хорошего про*ба? – Мне в брюхо как углей набили, и они жгли-жгли...

– Ты опять? Для чего все опопшлять? Я люблю тебя. Разве этого мало?

– Мало, бля, если этого недостаточно, чтобы выбрать меня одного. Или бабки мужа ты любишь так же сильно?

– Знаешь, я не буду с тобой сейчас разговаривать, Андрюша. И оскорбления от тебя выслушивать не намерена. В меня тычешь, а сам чем лучше? Думаешь, я не знаю, что ты девок по баням таскаешь?

– Да потому что я не могу вот так... раз в две недели. Не могу спать, зная, что ты с ним... под ним...

– Ну что же, ты нашел себе прекрасное успокоительное в виде дешевых шалав. Мне разве не противно понимать, что ты с ними после МЕНЯ?!

– После тебя, да? Противно, говоришь? А в чем такая принципиальная разница между ними и тобой, а, Юль? В цене? Они за деньги ноги раздвигают и ты.

– Да как ты!.. – Любимое лицо исказилось и пошло некрасивыми пятнами. – Ты... Сравнить меня... Меня! Еще на брюхе приползешь и умолять будешь!

Скорее всего, так и будет. Уже такое чувство, будто сам себе тесак в грудь воткнул и проворачиваю.

– Надумаешь извиниться – позвонишь! – И Юля ушла, хлопнув дверью номера.

А я нажрался. Чуть не до смерти. И телефон расхерачил. Топтал его и топтал, пока в дверь долбить не начали. И не приполз. Хоть и очень хотел. Аж до воя. Меня ломало без нее. Материл себя на чем свет стоит. Чего было доводить до этого? Пусть бы хоть так. Хоть по капле, но моя. Но потом в ум приходил. Нет, мне такого от нее не надо. Или вся моя, или лучше с корнями. С кровью и кишками. Один раз и насовсем.

– Насовсем, ага, – ухмыльнулся я своему отражению в стекле. – Оно и видно, как насовсем.

– Але-е! – Хриловатый женский голос послышался из коридора, мигом стерев картинки из прошлого. – Есть здесь кто? Дверь открыта была.

Мне вдруг захотелось увидеть обладательницу этого звучания. Оно, как щекоткой, мне по нервам прошлось, аж все волосья на шкуре дыбом.

– Вы кто и к кому? – Я шагнул навстречу, стараясь рассмотреть визитерку.

Очень странную, однако, визитерку. Рост где-то сто семьдесят. Одета во что-то бесформенное. Вроде как замызганный мужской плащ размеров на пять больше, чем нужно. Плащ. В

конце декабря. На улице с утра было тепло. Минус пять всего-то. Фигуры не разобрать. Зато запашок своеобразный очень даже различим. Как будто она где-то в зассаном подвале живет. И над этим куском грязной херни, в которую она зябко куталась, голова на тонкой такой, прям аристократической шейке. Не тощей, а именно изящной. Поднимаясь вверх, облапал глазами очертания подбородка и рта. А ничего так. Прям очень ничего. Личико хорошенькое. Хотя нет. Это по-другому назвать тянет. Съедобное, что ли. Не в смысле сожрать, а облизал бы и эти скулы, и губы бледные. Ну или головкой члена бы обвел, размазывая сперму. Бл*дь, прав Камнев: кто о чем, а вшивый о бане. От нее разит – близко не подойти, а я все о *бле. Посмотрел напоследок в глаза... Ух ты! Здесь темновато, но что-то аж мурашки по хребтине. Волосы, брови, ресницы у девахи-то чернющие, а глаза как прозрачные. Такие светлые, что та вода. И глядит пристально, как чего поганого от меня ждет.

Против воли все же передернулся. Такое чувство, как кто по спине куском льда провел. Сначала холодком обожгло, потом тут же жаром. И встал у меня. Здравсте.

– Мне нужен Николай Шаповалов, – ответила необычная бомжиха, выходя окончательно на пятачок света, что падал у меня из-за спины.

– По какому вопросу?

– Это личное.

– Так, может, я помогу?

– Я же сказала, это личное! – чуть повысила она голос и нахмурилась. – Очень личное.

Вот оно как. И ты мне сраные лекции о морали вчера читал тут, Шаповалов. Серьезно? На острова с Анькой своей, а к самому девка вон подвалила. Дело у нее личное. Ага, знаю я эти ваши дела.

– Залетела? – ухмыльнувшись, спросил я.

– Что?

– Говорю, налажал Колька, да? Срок хоть какой? На аборт еще успеваешь?

Ну давай уже, начинай просить денег, что ли, а то меня дела повеселее ждут, чем разборки с чужим косяком.

– С какой стати на «ты» и этот допрос? – ошетичилась она, отступив на шаг и сощурив свои необычные глаза. – Я, по-моему, четко сказала, что мне нужен Николай Шаповалов. Совладелец охранного агентства «Орион». На вывеске над входом так и написано. Он здесь или нет?

Надо же, какие бродяжки пошли информированные.

– Повторюсь: по какому, мать его, вопросу?

– По. Личному, – отчеканила она. – Который тебя ни хера не касается, ведь ты не он.

– Слушай сюда, девочка с помойки. Шаповалова здесь нет. И не будет. Тебе ловить с ним нечего. Если нужно лавэ – прямо говори. Я тебе отслюнявлю, и топай отсюда. А то проветривать потом умаешься.

– Ты тупой? Мне. Нужен. Шаповалов.

– Нет, тупая здесь ты. Но это ненадолго. Так... Если бабок не надо, то мандуй на выход. У меня дела еще.

Я отвернулся, захлопнул дверь и повернул ключ в замке. И тут у меня брови поползли вверх, а яйца сжались. Потому как в мой висок уперся ствол.

– Шаповалов, – прошипела девка. – Пожалуйста, сука.

Я даже моргнул пару раз, почти кайфанув от такой борзоты. Смотри-ка, отчаянная какая. Может, ее, если отмыть, и трахнуть будет не в западло? Член эту мысль одобрил. С большим энтузиазмом. Вот кто знал, что ствол у башки способен так меня завести? Не замечал за собой.

– Ну раз «пожалуйста», – фыркнул я и молниеносно схватил за запястье, сжимая и выворачивая кисть, чтобы заставить бросить оружие, дернул на себя и вжался в живот стояком. – И всю жизнь, дорогуша, был кобелем, им и остаюсь.

Пистолет тяжело грякнул об пол, но вслед за ним, вскрикнув как-то чересчур болезненно, стала обвисать в моем захвате и сама террористка.

– Что за херня?! – возмутился я, подхватывая обмякшее легкое тело. – Я же и не сжал толком!

Донес это недоразумение до поста охраны в холле. Уложил на диван, предварительно стряхнув с нее вонючий плащ. Под ним она оказалась в спортивном костюме. Вполне себе приличном, бархатистом, с блестками какими-то. На рынке таких валом. Без смердящего плаща неожиданно уловил тонкий аромат парфюма. Я немного научился разбираться в этом бабском дерьме. Дорогой запах. Не подделка польская, или гребаная «Шехерезада» или «Розы Кавказа». Из тех, что в голове у мужика вызывают какое-то особое шевеление, волнение, что ли, и держатся на одежде долго, неделями. А леди-бомж у меня с сюрпризом, похоже. Облапал, обыскивая, не отказав себе в удовольствии и хорошенько изучить формы. Все в порядке у нее с прелестями. В охренительном таком порядке. Все же член у меня интуит прямо. Такое стоит трахнуть. Так, а что это у нас массивное на поясе? Еще оружие?

Дернув вверх ее одежду и обнажив часть живота, увидел небольшую сумочку-кошелек, что носят обычно на талии или бедрах. Как они там бишь называются? Да похрен. Главное, что весила эта фигнюшка что-то подозрительно много. Дернул молнию.

– Ни х*я се! – присвистнул, когда оттуда посыпались кольца, цепочки, подвески – и все явно не бижутерия. – Ай да девочка с секретом!

Собрал все на место, но саму сумочку снял с незнакомки и отложил на стол. Еще пошарил. Документов, денег, телефона, даже расчески сраной нет. Вот ведь чудно. Вспомнил про ее руку и аккуратно задрал рукав.

– Ну, бля, супер. Пролетаю я с весельем сегодня.

Запястье свалившейся на мою голову проблемы выглядело распухшим и посиневшим. Конкретный такой ушиб или даже, может, закрытый перелом.

– Шаповалов, ты мне, гаденыш, должен будешь, как земля колхозу, – пробормотал с досадой, скидывая свою дубленку и заворачивая в нее любительницу пощеголять в плаще в декабре.

Зыркнул на ее ноги.

– Ну логично, чё.

В кроссовках. Физкультурница тут у меня. Прицепив себе на пояс ее переносной мини-сейф, прихватил ствол, поднял девку и понес в машину. Провести вечер в приемном покое больницы вместо сауны со шлюхами – прям мечта, ага. Должен, ох, должен мне Колька.

Глава 4

– Куда поедешь – знать не хочу, Катька. Найдет тебя...

– Я не сдам. Не сдам, Марат. Даже не думай!

– Вот держи, – сунул он мне в ладонь что-то железное. – Ячейка хранения в универсаме на Горького. Две остановки от аэропорта. Номер восемь. Там шмотки другие и денег немного. Цапки взяла?

– Угу, – ответила, не оборачиваясь к нему, наблюдая, как Вознесенский общается у стойки регистрации на посадку с повисшей на его локте супругой.

Он, не скрываясь, пас меня, находящуюся в конце этой же очереди, а его благоверная делала вид, что не замечает. Приличия же типа соблюдены. Она с ним рядышком, благопристойное такое семейство, а подстилка-любовница, которую тащат почти как багаж в сопровождении охраны, болтается где-то сзади, где ей самое место.

– Ты только по своему паспорту сдавать их не думай. – Вообще-то, мой паспорт лежит сейчас в кармане у жирдяя Лехи, и я его в руках уже два года не держала, но поправлять Марата или останавливать не стала. Придумаю что-нибудь. – На раз вычислит тебя. И ездить старайся не на такси и тем более не суйся на самолет. Вообще не светись нигде с документами. Найди кого-нибудь, кто тебе новые слепит. Сейчас это запросто. Поняла?

– Да-да.

– Двигай из города лучше на рейсовых автобусах или на электричках. Чем больше будет пересадок, тем лучше. На вокзалах не ночуй, если что. Менты там мигом срисуют. Прячься где-нибудь. Лучше придурка какого сними и с ним... ну, сама поняла, хоть в тепле. Не май месяц. Ты красивая – проблем не будет.

– Я поняла, – ответила, сглотнув.

Семейство Вознесенских чинно двинулось, уходя из зала ожидания. Димасик напоследок зыркнул грозно. Как же мне было тяжело не показать уроду фак.

– Леха возвращается. Все, ни слова больше, и будь наготове. Как вещи досматривать начнут – вали сразу.

– Спасибо, Марат. Я в бога не верю, но всего тебе и детям твоим хорошего. Смогу если когда – отплачу.

– Брось, девочка. Нельзя с людьми, как он с тобой.

Я даже не поняла, что там нашлось в спортивной сумке Лехи. Просто милицейская псина вдруг села около нее и стала облаивать. Началась суета, Леху заставили поднять руки, а заодно и Марата – они ведь были оба в одинаковой ЧОПовской форме. И вот тут я и сквозанула. Сперва неторопливо, типа я тут вообще мимо проходила, отступила на несколько шагов. Потом пошла быстрее. И ближе к выходу уже побежала сломя голову. Так быстро, как только позволяли бл*дские туфли, которые мне велено носить. Димасику нравятся каблуки. С каким же наслаждением я зашвырнула дорожную обувь в мусорку в туалете универмага. Платье и даже это плюшевое белье туда же. Натянула костюм спортивный прямо на голое тело, чувствуя себя едва ли не счастливой. Обула кроссовки, вытащила из сумки, которую Марат оставил мне, дешевую серую болоньевую куртку. Я такие последний раз носила, еще когда в приюте жила. Кайф!

Первым делом пробралась к своему тайнику в парке возле коттеджа, который Вознесенский купил в качестве моей тюрьмы. Уже давно, когда присмотр был за мной не такой тотальный, я спрятала там стыренный у своего захватчика ствол. Конечно, он понял, что это я. И триндюлей мне досталось тогда, и допрос был с пристрастием. Но хрен он чего добился, ведь всерьез вредить мне не мог. Как поломанную иметь потом? Он же, пидорюга, эстет. Закончилось все обыском всего дома и участка и усилением контроля. Ни шагу больше без надзирателей. Я очень надеялась, что весь тот целлофан, в который я сто раз обернула оружие, сохранил

его от порчи. В любом случае даже помахать стволом перед чьей-нибудь охреневшей мордой – уже гарантия определенной безопасности. На вид все казалось нормально. Никто меня не заметил, и город я смогла покинуть без проблем.

Но дальше все пошло не так удачно. Через сутки, когда умудрилась уснуть в очередной электричке, сумку с деньгами и куртку у меня сперли. Жрать нечего, ехать дальше только зайцем или автостопом. И еще не факт, что брат, который обо мне и знать не знает, захочет помогать. Может, вообще пошлет. Мать же от него отказалась, так с чего ему испытывать родственные чувства? Но мне и не надо особых чувств. Пристроиться хоть на первое время помог бы, побрякушки сбыть. Навязываться не собираюсь. Я и узнала-то о нем случайно и совсем недавно из материнской слезливой исповеди в больнице. Где она валялась, изображая страдалицу, избиваемую за мои косяки. А на деле – просто работала щедро оплачиваемыми кандалами для меня, цепью, на которую меня посадил Вознесенский, лживо угрожая ее жизни. Нет, я не сомневаюсь, что он запросто может причинить ей вред. Вот только, успокоившись после того, как узнала правду об их взаимовыгодных отношениях, я задалась несколькими вопросами. Например, что мешало матери скрыться куда-нибудь за эти два года? Уехать и развязать мне руки. Ее-то никто не пас. И зачем бы Дмитрию ее убивать, если без нее нет ни единого рычага давления на меня. Нет, может, ей и попадет, но ничего действительно страшного. Моя совесть тут чиста. Надеюсь, никому и в голову не придет искать меня на другом конце страны, у брата. Мать и сама не вспомнит, что мне о нем проболталась. Никто не был в курсе, что я обшарила всю ее засранную квартиру, прежде чем нашла документы старые на антресолях. И фото. Она, в те времена еще красавица, мужик незнакомый, здоровый такой, и пацан лет трех. Тогда было модно такие вот портреты семейные делать. Братеньник, выходило, старше меня на двенадцать лет. И фамилия у него его отца. Пришлось поискать. Спасибо интернету.

– Сука, и занесло же тебя, родственник, жить в такой холодрыге.

Выезжала из плюс десяти, приехала спустя пять голодных дней, бессонных ночей в морозище. По дороге пришлось отбиться от двух попыток изнасилования, одного ограбления, сбежать от наряда ментов, сменять сережки с сапфирами на плащ и полбуханки серого хлеба у доброго бомжа дяди Семы. Куртку теплую он ни за что отдавать не захотел. Самому нужна, «а побрякушки твои – тьфу, барахло, еще не факт, что хоть водки на них купить можно». Взяла, что давал. С золотом же не пойдешь в магазин, не брякнешь на прилавок, тыкая в нужное. С этим *баным ломом и куска хлеба себе, как выяснилось, не купишь. Спасибо цыганам за такую «доверчивость» народа. Все подозревают попытку на*бать и гонят, как псину шелудивую. Правда, разок предложил один прыщавый дегенерат отсосать ему за мусорными баками в обмен на гамбургер. Но я только в рожу ему плюнула.

– Не настолько голодная, значит, – процедил он, утеревшись.

Короче, к тому моменту, как добралась, у меня силы были на исходе и я даже холод перестала ощущать. Уже только в пустынный офис зайти, в тепло, было само по себе кайфом. Похрен, почему никого нет и не заперто. Я так устала, оголодала, что решила: если что, просто найду какой-нибудь уголок и посплю. Хоть на полу. Но не на морозе.

Громила, выступивший на меня из темноты, взбесил моментально. Что он не мой брат, я поняла сразу. На том фото мальчишка был такой же чернявый, как и я, а этот бугай здоровый – блондин. Зенки наглючие, такие еще поискать. Шарил ими по мне, все равно что лапищам своими уже щупал. Аж ознобом по коже пробрало, и невольно сразу оскалиться захотелось. Или сбежать сломя голову. Потому что предчувствие от его взгляда появилось какое-то... обреченности, что ли. Будто все, попала, бежала и отбегалась. Как в той сказке про Колобка: от деда ушла, а к лису в пасть прямиком закатилась. Хотя какой из него лис, скорее уж тигр саблезубый. Я еле на ногах стояла, а он скалился, откровенно стебался надо мной. Решил, что шалава дурная я, которая от Николая залетела и пришла что-то требовать? Отвернулся, демонстрируя,

что я никто, место пустое. Мои нервы не выдержали. Захотелось увидеть его рожу хамскую, страхом перекошенную. Со стволом у башки как ты выделяться будешь, а?

Дура я. Надо было свою интуицию слушать и валить оттуда. Это первое, что пришло в голову, когда очнулась в незнакомой машине. Запеленутая во что-то меховое и пропахшее чужим телом. Тут же поняла, что сумки с побрякушками на поясе нет. Пистолета, само собой, тоже.

– Дергаться только не начинай, мы на дороге, – сказал молниеносно скрутивший меня белообрый амбал, стоило только шевельнуться.

– Где моя сумка? – Горло хрипело, пересохшее до невозможности.

– Эта та, что с блестяшками? У меня. Как объяснишь, откуда у тебя столько, отдам.

Ну да, держи карман, объяснять я тебе стану.

– Куда везешь? К ментам?

Судорожно начала соображать, будет ли шанс вырваться, когда дверь разблокирует.

– Надо к ментам? – ухмыльнулся он, зыркнув на меня коротко.

Сдержав желание огрызнуться, процедила:

– Не надо.

Он свернул и быстро припарковался.

– Так, давай без закидывов. Мы сейчас зайдем в больницу, тебя осмотрят. И ты будешь вести себя тихо.

– Или что? Сдашь?

– Или рискуешь проблемы со здоровьем занять нешуточные, бестолочь. Руки можешь лишиться.

– А ты типа доктор у нас?

– Я типа тот, кто готов с тобой возиться в ущерб своим планам. Зацени.

– Я бы больше заценила, если бы ты мне просто сказал, как найти Шаповалова.

– Никак. Я тебе сразу сказал, что сейчас никак.

– Ну раз так, то открой дверь, отдай мое, и я пошла.

– А вот тут ты хрен угадала, дорогуша. Явилась в офис девка, одетая в засявканный плащ, как бомжиха, при этом под этим верхним дерьмом все прилично и пахнет парфюмом, что стоит кучу бабок, со стволом и цацками на целое состояние. Ногти обломанные, но с остатками такого маникюра, что не каждая себе позволить может. – Надо же, какой наблюдательный гад. – Требуется Шаповалова. Нет, теперь я, пока не разберусь, что за фигня происходит, хрен с тебя слезу.

– Тебе и залезть на меня не светит, – огрызнулась, чисто импульсивно сжав бедра плотнее. Потому как сказала – и на миг привиделся он, здоровенный, голый, со вздувшимися мускулами на теле, которое сто пудов не похоже будет на то единственное голое мужское тело, что мне случалось видеть в реале. Рыхлое, бледное, дрябловатое, с изрядным пузом и этими противными многочисленными темными родинками повсюду. Херня какая прет в башку, я аж головой тряхнула.

– Спорное утверждение, – гоготнул наглый тип.

– Тебе-то что за дело до всего этого?

– Колька – наш с Яром совладелец. Если он влез во что-то незаконное, то это напрямую прилетит и по нашим задницам.

– Дай мне уйти, и ничего такого не случится.

– Так, выходим и ведем себя прилично, поняла? – кивнул он на освещенное крыльцо больницы, будто и не услышав меня.

Поняла, что теперь у меня так-то есть твоя теплая дубленка. А в кармане, между прочим, нащупала увесистое такое портмоне.

Глава 5

– Боев, на два слова тебя. – Что-то мне тон Ромки Насонова, моего давнего приятеля, врача в краевой больнице, сильно не понравился.

Как и то, что он, злобно зыркнув на меня, не оборачиваясь, попер вперед по коридору, явно предлагая следовать за ним.

– Что такое? – насторожился я. Неужто все сильно плохо у этой свалившейся на меня проблемы с секретом.

– Значит так, – непривычно строго начал Насонов. – Я все, конечно, понимаю, молча и ребят ваших штопаю, и тех, кого они случайно помнут. Но это, – он ткнул дрожащей рукой в сторону смотровой, – перебор! Я слышал и до этого, что ты с женщинами не сильно-то любезничаешь, но одно – наорать, а другое – руки распускать!

– Ты сдурел? – офигел я.

– Это ты сдурел, если думаешь, что покрывать такое буду. Избил, запугал, черт-те что с ней делал вообще! Считаешь, привез подлатать, и все нормально?

– Ромка, не знаю, что ты там слышал, но я ни одну женщину никогда пальцем не тронул и начинать так-то не собираюсь. Ни пугать, ни бить и ничего... что ты там еще напридумывал, – под конец с трудом на крик не сорвался. Я в курсе тех сплетен, что обо мне ходят, и доказывать, что не верблюд и не требую от шкуры ничего сверх того, за что она соглашается взять плату добровольно, не намерен. А с другими я так-то дел давненько не имею. Просто... ну, бл*дь, за*бало это все! – Не подарок я, да, но не чмо же позорное – с бабами силой справляться.

– То есть это все не ты?

– Что «все»? – Отчего в брюхе и под ложечкой так погано потянуло?

– Да уж и с чего начать, не знаю. Обезвоживание, все признаки физического и нервного истощения. Переохлаждение, гематомы, трещины в ребрах, сильный ушиб предплечья. И это она еще наотрез отказалась от гинекологического осмотра, который черт знает, что еще выявил бы. И как сказал, что о таком мне следует ментам сообщить, так она чуть с кушетки не слетела с перепугу. И лет ей сколько? Хоть совершеннолетняя?

– Без понятия, – пробормотал, размышляя над тем, что выводы Ромки подтверждают мои наблюдения.

Девчонка в реальной такой жопе, напугана жестко. По всему выходит, что никакая не бродяжка, еще недавно жила во вполне себе комфортных условиях и достатке. Ну и что с ней приключилось? И как это связано с Шаповаловым? Что за гемор прибило к нам опять? И снова в лице смазливой ссыкухи. Мало нам было погремушки Камнева. Чё, карма у нас такая, что ли?

– Надо, чтобы ее и этот... бабский доктор глянул, – проворчал, хмурясь своим думкам. От мысли, какую жесть этот осмотр может выявить, мутить начинало.

На самом деле, что бы там про меня ни трезвонили, но самой тяжелой частью, еще при работе в ментовке, была эта херь с насилием над бабами. Всегда считал законодательство в этом вопросе особенно ущербным. Почему нельзя взять и размотать кишки уроду, пойманному на nepотpeбcтвe, что он творил над женщинами и детьми? Вот здесь всякие варварские обычаи были мне прямо по сердцу.

– И как ты себе это представляешь? Силой ее на кресло заволакивать? И скотчем к нему прикручивать? Я не могу ее ни к чему принуждать.

– Одни недостатки и прорехи у отечественной медицины.

– Роман Владиславович! – выскочила на нас из-за угла в коридоре молоденькая медсестричка. Новенькая. Маленькая такая блондиночка, я ее еще в регистратуре срисовал. Срисовал, примерился, заценил, что сильно чистенькая и невиненькая она – не мой тип. Так, глазами

поймать можно, но и все на этом. – Там эта пациентка убегает. Я хотела ее остановить, но она меня толкнула сильно и к служебному побежала.

– Дубленку забрала? – уточнил, понимая, что тупанул.

– Взя...

– Так, Ромыч, магарыч с меня, – бросил я, срываясь с места. – Никому не звони. Никому! Должен буду.

Вот и какого лешего я бегу, спросил сам себя на ходу. Какого-какого, там денег у меня неплохо так, но хер бы с ними, права и документы на травмат. Еще что-то. Поэтому и бегу. Сверкающую пятками в идиотских кроссовках спринтершу заметил впереди, мелькнувшую под фонарем. Эх, давно я за девками не бегал. Со школы. И то на физкультуре. Погоня прям освежает, аж кровь заиграла. Никуда не деться от того, что все мы в своей первобытной сути самцы-охотники, которым надо преследовать и побеждать. Без этого мы гребаные приунывшие полумипотенты в поисках чего-то эдакого, что доведет тебя до полной эрекции. Все есть и доступно, но, сука, что делать с этой перманентной оскоминой? Ладно-ладно, на потенцию мне жаловаться грех. Физически.

Догнал свою загадочную воровку, она метнулась в сторону и сама себя обдурила, нырнув куда попало. Очутилась в тупике, в темном, глухом углу больничной парковки. Дальше только стена кирпичная, дорогу обратную я перекрыл. Что тут пробежала-то, а дышит тяжело, с посвистом. Глаза вон и щеки запали, волосы растрепаны. Насонов же сказал, что обезвоживание и истощение, еще и дубленка моя весит будь здоров. Как бы не бахнулась в обморок снова, дура заполошная.

– Спортсменка, да? – ухмыльнулся, пока не подступая ближе. В ответ тишина, зыркает вправо-влево, прикидывает, где больше шансов прорваться. А без шансов, хитрая ты засранка.

– Как куртейка? Не жмет?

Все так же молча стянула и кинула в меня. Я сделал вид, что отвлекся поймать, а вместо этого позволил упасть на землю и перехватил поперек талии ее, рванувшую мимо.

А девка-то – огонь. Свирепая, как питбуль. Извивалась, рычала глухо, лягала меня по голеним, целилась пятками садануть по пальцам ног. Глупая, что мне это через носки зимних ботинок. Брыкалась, как одержимая, себя ни капли не жалея, норовя затылком врезать по носу и губам. И все молча, аж страшно, ей-богу, от такого остервенения. Так-то разом бы скрутил, но помнил, что Ромыч сказал про трещины в ребрах, и не зажимал особо. Выдохнется, а я потерплю.

– Кончай, чокнутая! – пропыхтел, отеснив к стене, и распластал по ней. Не наваливался, но держал крепко.

И, сука, опять приключилась странная херня. У меня встал на нее так резко, что аж в паху свело до судорог. Даже сунь руку мне кто в штаны и надрачивать начни, и то такого эффекта не было бы. Скрыть в этой возне сей прискорбный факт не вариант. Ну а с другой стороны, живая баба, все при ней: сиськи, задница – трется об меня так душевно, а я что? Я мужик, и работает у меня все исправно. Так что взял и забил морочиться от нее стояк скрывать. Наоборот, вжался между ягодиц, еще и одной рукой грудь облапал как бы невзначай. Ух, ты, а кто-то у нас тут без лифчика, что ли, шастает? Не сдержался и нырнул наглой конечностью под задрвшуюся олимпийку. Так и есть.

– Лапу убери! – процедила строптивая беглянка, замирая, как мгновенно замороженная, и клацнула зубами. – Холодная, п*здец.

Что? А где «Скотина, как ты посмел?!»

– Еще бегать станешь? – Бля, ну не убиралась рука. Никак. Вот где сила воли пригодилась... бы. Если бы она у меня была. Так что моя ладонь осталась на месте. Почти. Легкие круги по торчащему соску не в счет. Цвет. Я хочу знать их цвет. И почему хоть мельком не глянул, пока в отключке валялась.

– Нет. Я договориться хочу.

Надо же, хоть бы дрогнула, чем-то выдавала реакцию на мои безобразия. Что, к тому, что мужики сиськи теребят, разрешения не спрашивая, привыкла небось? Все же шлюха? Из дорогих. Не потасканная. Молодая просто. Или элита, которым не надо через себя толпу пропускать, чтобы на жизнь заработать.

Ага, и я наивный чукотский отрок и поверил в переговоры.

– Вот и договаривайся. Я тебя очень внимательно слушаю.

Я ожидал, что орать начнет, чтобы кончал лапать, и снова драться. Но нет. Она как будто и замечать перестала, где шарит моя конечность. Мне от этой реакции даже как-то некомфортно стало. Повода же типа удерживать ту, что не брыкается, нет, но и желания отпускать нет. Дилемма, однако.

– У тебя стоит на меня, – констатировала очевидное она на удивление невозмутимо. – Я с тобой пересплю, а ты меня сведешь с Шаповаловым.

Зараза, снова здорово. Упертая ты какая!

– Не подходит. Даже если у тебя золотая или поперек, я друзей на п*зду не меняю. По тебе же видно, что ты проблема ходячая.

– Ну так отпусти меня просто, чего прицепился-то?

– Я уже сказал, почему не отпущу. Давай так: ты никуда не бежишь, мы едем ко мне, моем тебя, кормим, ты мне все рассказываешь, а потом посмотрим, стоит ли с тобой спать.

– Ну да, посмотрим, – фыркнула она презрительно и толкнулась задницей к моему упертому члену, что и не думал падать. – Но пофиг, согласна и на это. За одним исключением. Ни черта я тебе не расскажу.

– А смысл в сделке тогда? Думаешь, у меня проблемы с тем, чтобы кому-то вставить?

– Мне на это плевать. Бери, что есть, или нет.

– Не в твоём положении дерзить, деточка. Козыри-то все у меня. – Я хоть и ощутил себя редкостной скотиной, но при этом с наслаждением стиснул упругую плоть. И снова хоть бы шелохнулась. – У меня твое золотишко, твой ствол...

– Дарю.

– Надо же, какая ты щедрая. Но мне чужого не нужно. Только информацию. Я должен знать, что моему другу не светят неприятности. К тому же напоминаю: у тебя нет нормальной одежды и обуви, нет денег, зуб даю, нет места для ночлега, и ты дико голодная и уставшая. Что ты теряешь, если поедешь со мной? Перспективу превратиться к утру в сосульку? Чего тебе бояться? Переспать ты со мной сама уже согласилась, грабить я тебя не собираюсь, иначе просто дал бы свалить и оставил все себе.

– Всегда остается вероятность, что ты сдашь меня.

Чего же ты так боишься? Вломила ментам кого-то, о ком стоило бы помолчать? Убила? Обокрала до хрена крутого перца, и в лучшем случае светит, что бОшку бедовую отвернут? А ведь личико как у ангелочка. Вот только реакции и повадки все совсем не ангельские.

– А если пообещаю не сдать?

– Я тебя не знаю, чтобы верить.

– Зато ты прекрасно понимаешь, что еще пять минут постоим – и ты до костей промерзнешь. Так что, договоримся? Для начала согласен просто на имя. Скажи, как тебя зовут, и получишь ночлег, горячую ванну и еду.

Она сопела секунд десять.

– Оксана... Федорова.

Брехня-я-я. Но да хер с ним, типа я купился. Не замерзать же самому, и ее не замораживать.

– Вот видишь, не так уж это и сложно. – Ага, ты меня обдурила. – Пошли, мороз крепчает. А с ним крепчает и степень моего долбо*бизма, похоже. Во что я лезу?

Глава 6

Отказываться от предложения амбала, которого доктор звал Боевым, я сочла дуростью. У него на меня стоял, а это внезапно сделало все проще. По Димасику я успела усвоить, что если мужик тебя хочет, то ты уже вроде как владеешь ситуацией. Даже если он сильнее и обращается с тобой грубо. От меня не убудет, если дам этому громиле, тем более он прав: мои силы реально на исходе, ноги едва держат. Больше всего хотелось спать. Настолько, что я бы хоть где легла и отрубилась. Даже в ближайшем сугробе. К тому же он называл брата другом, а значит, находясь поблизости, есть вариант добраться до родственника. Белобрысый говорил, что Николай сейчас недоступен, как я поняла. Просто нужно подождать, выходит. А в местных холодах это лучше делать, имея теплое местечко, где еще и покормят. А то, что платить придется сексом, ну опять же не вижу никакой проблемы. Два года терпела и тут просто перетерплю. Ничего нового.

– Не засыпай! – громко сказал качок, и я испуганно вскинулась. Действительно почти отключилась.

– Как зовут? – прочистив горло, спросила его.

– Не прошло и полгода, и ты этим поинтересовалась.

Вот чему он постоянно ухмыляется и лыбится? Происходит что-то веселое, по его мнению? А, с другой стороны, ему чего грустить? Мужики вечно хотят трахаться, а тут у него стопроцентный вариант, чего бы не скалиться? Только непонятно, почему я залипаю на его лицо, когда он зубы свои сушит.

– А были причины делать это раньше?

– Ты сколько не ела?

Интересный у нас диалог. Одни вопросы.

– Буду звать Боевым, – пожалала я плечами, ощутив, как же болит все тело.

– Андрей я. А то соседи не поймут, когда ты в постели фамилию мою орать станешь.

– С чего бы мне вообще орать? Ты садюга какой-то?

– А бабы в койке от боли, что ли, орут?

Блин, да что он фыркает-то так самодовольно постоянно? Мне ли не по фигу, отчего его пассивности голосят? Со мной такого точно не случится.

– Молчишь чего? – А ты чего пристебываешься?

– У нас, по-моему, договор был, что я тебе даю, а не беседой развлекаю.

– А ты всегда вот так в лоб мужикам себя предлагаешь?

– А с тобой такое впервые? Сочувствую.

Он снова захмыкал и башкой даже замотылял.

– Вот не люблю я борзых и языкатых, но ты прикольная, – заявил он и тут же поменял тон и тему: – Избил тебя кто? Отвечай!

– Внезапный, да? – Я и поворачиваться к нему не стала. – Мало ли кто бил, всех и не упомянешь.

– Ищет тебя кто?

– Ты вот нашел.

– Ясно. Выходи, приехали.

– Ты у нас откуда-то с юга, О-о-оксана? – спросил он уже в лифте, снова хитро щуря свои нахальные зенки. Понял, сука, что с именем прибрехала?

Сколько ему лет? Точно не меньше тридцатника. Вон уже морщинки вокруг глаз лучиками явно привычными. Ну если он вечно такой, зараза, обрадованный не пойми чем по жизни, то не удивительно.

– С чего взял?

Наша игра «спроси, и я спрошу в ответ» продолжается?

– А ты хоть иногда улыбаешься?

– А тебе зачем? Особое предпочтение в постели?

– Вот же зараза, – замотал он опять головой и откровенно заржал.

Открыл дверь в квартиру, снял с меня дубленку и кивнул, указывая прямо.

– Надеюсь, ты хоть, чего поесть хочешь, ответишь не вопросом?

– Думаешь, мне сейчас не без разницы? – спросила... ну уже скорее из упрямства. Или потому что знала, что он заржет. Снова. Странно, что я плююсь на это. Странно, что мне не плевать. Странно, что с моими губам тоже что-то вдруг стало происходить. Нет, я не собиралась улыбаться. Это было больше похоже на то, что мышцы, для этого предназначенные, напомнили о своем наличии у меня.

Кухня была небольшой, точно не как в доме-тюрьме, но попросторней, чем в материнской двушке. И заметно, что не чисто мужская. Салфеточки, занавесочки, цветы вон на подоконнике. Жена в отъезде, а ты и рад, притащил бабу в дом, да?

– Так, что у меня тут есть? – Боев принялся выставлять кастрюльки и судочки на стол.

Ну точно женатик. Не сам же он все это наготовил и разложил. Отчего-то стало поганенько на душе, но голод взял свое. Недолго думая, я заглянула в ближайшую емкость и чуть слюной не захлебнулась от вида и запаха котлет. В жопу манеры. Схватив одну, я откусила сразу половину. Вкусно-то как!

– Бля, да подожди ты, я хоть разогрею! – Он потянулся отнять, но я стукнула ладонью по его лапе, не собираясь отдавать.

Мой кормилец уставился на меня пристально и цепко и впервые нахмурился. Покачал головой и захлопал дверцами шкафчиков и загремел посудой.

Поставил передо мной тарелку с пюрешкой и еще одной котлетой, над которыми поднимался парок после разогрева в микроволновке. Красотища, куда там всяким блюдам, что вечно из дорогих кабаков доставляли. Вознесенский все пытался мне утонченный вкус привить, заказывая всякую извращенскую херь. Как же мне тошно было жрать эти карпаччо, аранчини, оссобуко и прочую похабень с хитрыми названиями, когда хотелось борща и пельменей со сметаной. И пюре с банальными котлетами, ага. Прямо как в столовке приютской.

Боев еще погремел, и на столе очутилась большая кружка офигенски пахнущего какао, и он сел напротив с тарелкой.

– Мужик, я тебя сейчас прям полюбила не на шутку, – пробормотала, потянув носом умопомрачительный запах, почти опьянев от такого количества удовольствий разом.

– Настолько сильно полюбила, чтобы выложить мне все по-чесноку?

– Нет, для этого меня так кормить недельку надо.

– И трахать хорошенько?

– Пф-ф, типа секс и близко может с этим сравниться.

Брови белобрысого полезли на лоб.

– А он у тебя вообще был?

– А я на целку зажатую похожа?

– Так, вот ты мне кончай вилять! – неожиданно зло рявкнул Боев. – Четко: был или нет?

– О господи, ты чего так возбудился-то? Был. Могу поднапрячься и посчитать сколько раз.

– Лет сколько тебе? И, бля, тут только вильни попробуй!

– Что, жратву отнимешь и выкинешь на мороз?

– Сколько. Лет, – отчеканил он, прожигая взглядом.
– Двадцать полных. Статья тебе не светит. Доволен?
– Двадцать. Ссыкуха еще.
– А ты предпочитаешь дамочек постарше?
– Попроще, – буркнул он, продолжая изучать меня, как букашку под микроскопом.
– Куда уж проще, чем я?
– Это ты-то простая? – Он отцепил с талии барсетку с моим драгоценным ломом и грекнул ее об стол. – С этим? Ведь не ворованное, да?

– Нет.

Честно на спине заработанное, бля.

– Профессионалка?

– Любительница.

– Секс так любишь или бабки?

Свободу.

– Оба раза мимо.

– Это как? Секс ты не любишь, деньгам не интересуешься, но спишь при этом с мужиками не бесплатно?

Да что ж ты прицепился-то?

– Ну с тебя возьму не деньгами и не цацкам. Котлетами вон. Хорошо твоя жена готовит.

– Жена? – расхохотался Андрей. – Не-не-не, такого на моей территории не было, и завозить в ближайшее время не намерен.

Что-то у меня аппетит мигом пропал. «Заводить». И тон такой пренебрежительный, будто и не о человеке вовсе речь, а о домашнем животном или... вещи.

«Ты моя вещь, Катька. Я тебя купил с потрохами».

Спрятавшись за большой кружкой, я кое-как давилась таким желанным еще пару минут назад какао. Неужели все мужики вот такие? В той или иной степени женщины для них – вещи, которым они сами решают, какое место отвести. Ну не может же такого и правда быть. Конечно нет. Есть и нормальные.

– Как насчет помыться? Или я должна сначала за еду рассчитаться?

– Мне казалось, ты голоднее. – Хорошее настроение у хозяина квартиры что-то пропало. Дура ты, Катька. Язык прикуси. Твое дело пересидеть в тепле, а не язвить. – И чем рассчитываться готова?

Я только молча пожала плечам. Будто мне не все равно. Перетерплю все – не привыкать.

– Вообще без разницы, выходит, да? – Так, а вот теперь он какого-то хера злится. Что не так-то? – Отсосешь мне вместо спасибо за пару котлет? А как же Колька?

– А он тут при чем?

– У вас с ним что?

– Ничего. Вообще.

Пока. Он и о существовании моем, скорее всего, понятия не имеет.

– Зачем тогда его искала?

Ага, попытка расколоть засчитана.

Встала и, обойдя стол, опустилась перед ним на пол. Положила ладонь на колено, намекая перестать заниматься дознавательной херней. Под рукой сквозь ткань джинсов ощутила резко напрягшиеся мощные мышцы бедер. И поймала себя на том, что провожу пальцами, исследуя их. Тут же отдернула кисть, осознав, что не делала такого раньше. Не гладила, не изучала чужого тела. Мужского. Если и случалось самой прикасаться к Вознесенскому, то отбиваясь или отталкивая. Сама я его даже под руку никогда не брала, когда он меня в люди таскал, как бы он ни рычал на меня и ни лупил потом.

Боев прозрачный намек понял и стремительно развернулся на стуле, так что я очутилась между его ног, и дернул молнию на ширинке. У него уже стоял. Ну хоть с противно вялым возиться не придется. Побыстрее закруглюсь.

Перед моим лицом появился его член. Мама дорогая, я прямо-таки уставилась в первый момент. Ни хрена себе хреновина! У Дмитрия был намного меньше. По всем параметрам. Короче, тоньше, форма другая. Его прибор мне всегда напоминал какую-то оплывшую свечку, огарок сраный, маленькая головка, ствол чуть утолщался к основанию, что усиливало это сходство. Весь гладкий, ни одного волоска на мошонке. Эстет же, сука. А здесь... эдакий гриб-боровик переросток, гордо торчащий из светлой поросли в паху с массивной, здоровенной темной головкой. Ну и как я намерена с таким справиться? Как-как, как и всегда. Глубоко вдохнув, зажмурила глаза, подалась вперед и насадилась ртом, тут же устанавливая темп побыстрее. Но не успела сделать и десятка движений, как Боев сгреб волосы на моем затылке и отстранил от себя.

– Глаза открой! – рявкнул он, став явно еще злее, чем раньше. Да что, блин, не так?

– Тебе что, правда плевать? Совсем?

Я молча смотрела на него снизу вверх, просто ожидая, что дальше.

– Как давно ты этим занимаешься?

– Минет делаю?

– Как. Давно?

– Два года.

– Два года, – повторил он. – И часто?

– Какая, бля, разница? – не смогла сдержаться я. – Тебе-то что?

– Да мне ни одна самая прожженная шлюха, черт-те сколько проведенная на панели, не отсасывала с таким лицом!

– Каким «таким»?

– Мертвым, сука! – проорал он и окончательно оттолкнул меня. – Вставай. Иди в ванную. Не запирайся.

Упрашивать меня было не надо. Включив и настроив воду, я стала сдирать тряпки, пока ванна наполнялась. Опустилась в горячую жидкость и чуть не взвыла от боли и наслаждения. В голове просто плыло от удовольствия, пока мыла волосы и терла кожу ногтями. Как же мало человеку для счастья нужно. Откинулась, вытягиваясь в воде, чувствуя, как долгий холод и мучительная скованность уходят прочь, оставляя только расслабленность. Закрыла глаза. Кайф!

Глава 7

Я вышагивал туда-сюда от кухни до прихожей и обратно мимо дверей в ванную и все никак не мог успокоиться. Бомбило с какого-то хера так, что аж щека подергиваться стала. А главное, попробуй разберись с чего! Точнее, от чего сильнее. Мало того, что меня уже аж крутило всего от любопытства, что же за обстоятельства привели эту «Оксану Федорову» в нашу контору. Но ладно любопытство, а вот чего так поиметь ее прижимало, что прям край? Ну ясно, девка. Ясно, красивая. Ясно, что я без хорошего такого оттяга, сильно предвкушаемого, остался. Ясно, что я к почти любой встречной сколько-то годной бабе хрен свой всегда приме-рю. Ну натура такая, чего уж там. Но это ни черта не значит, что в девяносто процентах слу-чаев я хоть пальцем шевельну, чтобы эту бабу заполучить. Не-а. Мой вариант – трах за бабки без заморочек, ну или когда какая-нибудь особо голодная и невыкобенистая дама предложит сама. Эта предложила, но ведь, сучка такая, совсем не потому что денег хотела или нужно мох из щели стереть. Хрен там! Прикинула, что у меня под боком пересидеть и отогреться можно. Просто расчет. И что такого? Я ведь с такого склада девками и предпочитал дело иметь. А тут... колбасит, бл*дь. У меня же не пойми с какой стати на нее не просто встает, а именно хочется. Ее хочется. Как давно не хотелось. Определенную женщину, а не просто присунуть без разницы кому, лишь бы было, как мне, в кайф.

Пока смотрел, как она ела: жадно, шумно принохиваясь и даже тихонько постанывая от удовольствия, чуть пар из ушей у меня не повалил. Ерзал на месте и разговорами баловался, чтобы не вскочить и не нагнуть ее над столом. Пусть на члене моем так же сладко постонет. Посрать стало, где и кто ее до меня таскал, забыл, что так-то она избитая вся. А как она на колени встала и снизу на меня глянула... я как будто вместо воздуха огнем дышать начал. На член мой уставилась так, что подумалось: вот же брехливая мерзавка! Точняк живой х*й впер-вые видит! Показалась в этот момент такой... бля, сказал бы, невинной, да только это не то слово. Гребаный ангел, но не чистенький, такой глупо-скучно-непорочный, а темный. Настоя-щее лицо *башащей прямо в бОшку порочности, в которую хотелось бухнуться отчаянно, как со обрыва в речку. Знать не знаешь, что там за дно, но и похер на это. Потонуть в этой ее обна-женной греховности и ее утопить, опорочить, изгваздать в собственных самых грязных жела-ниях. Увидеть губы ее, растянувшимися от толщины моего ствола между ними. Наблюдать, как глаза эти огромные, светлые-светлые, почти прозрачные, как будто в кристально-чистую воду капнули совсем чуть лиственной зелени, увлажнятся от слез, пока я буду таранить гудящей, как под током, головкой ее горло. Как щеки будут западать от усилия сосать сильнее, а меня от сладких потягиваний будет хреначить разрядами. Скулы ее еще обострятся, польются слезы. А я буду стирать их большими пальцами, одновременно удерживая на месте, захватив в плен остальными, и толкаться-толкаться...

Но тут она закрыла глаза, и ее лицо стало, сука, какой-то посмертной маской. Меня жутью пробрало. Жутко от того, что могло сделать эту еще совсем девчонку такой. Жутко от себя, что даже вот так я готов был продолжать. Что же, я совсем мразь, что ли? За тарелку еды... И хорошо же, что аж пальцы скрючивать начало, и одновременно затошнило от себя. От того, что эти ее движения, как у робота, ей-богу, все равно сносили мне башню удовольствием. А ей плевать!

Ей плевать, а я хожу тут и успокоиться не могу. Слушаю, как плещется, и рвет надвое. Войти, выдернуть из ванны, прижать, посадить, нагнуть, пох как пристроить, лишь бы сразу засадить. И не смей ни за что этого делать – человек я или животное похотливая, безмозг-лая? Мозги включи, Боев, хорош хером думать. Надо поскорее разобраться, чего эта напасть приперлась, и сразу на фиг, на фиг, попутного в ягодицы. Вот только как тут разберешься,

если документов нет, имени она не говорит и явно не намерена колотиться ни перед кем, кроме Шаповалова. А он на юга на двадцать дней ушурился со своей Анькой.

Ствол попросить ребят пробить по базе? Запросить у них ориентировки, не ищут ли где по стране воровку с кучей ювелирки. Или просто кого-то с ее приметам. А с другой стороны, начну наводить справки, и не факт, что сам же на нее не выведу, если ее сильно серьезные людишки разыскивают. А если это именно эти... люди повинны в том, что девка в двадцать лет (если опять не сбыхала, а то, может, и под статью почти влетел) относилась с таким безразличием к тому, что могут делать с ее телом. Хоть что. Ей плевать. Она вроде как и не в своей плоти пребывала. Вот! Вот это и происходило, как только она мне отсасывать взялась. Ее, той самой, что получала удовольствие от еды, что дразнила меня – да-да, это она и делала – игрой в вопросы и уклонение от ответов, этой колючей, настороженной, но реально живой девчонки вдруг не стало в ее внешней оболочке. Один вдох – и ушла. Такому не учатся за раз. И за десять. Такому не учатся вообще, если с тобой не происходит разрушающего твою душу дерьма.

В ванной было уже подозрительно тихо, и я вошел, забив на церемонии. Буду пытаться, пусть выкладывает все начистоту.

– Да ну *б же твою мать! – зарычал, выдергивая ее уже почти ушедшую под воду с головой из ванны. – Хожу тут, как долбо*б! Еще же в машине вырубалась.

Кое-как завернул ее, сонно бубнящую что-то невнятно, в пару полотенец, вывалив остальные из шкафа на пол, и понес в спальню. Волосы мокрые, у меня не Ташкент, не люблю жару. Уложил, укрыл, пошел опять в ванную, взял еще полотенце, вернулся и, как смог, обернул мокрые пряди.

– П*здец ты гемор себе обеспечил, придурок, – прошептал, почесав затылок.

Подумал еще и поперся звонить в квартиру напротив, тете Маше, что уже года три убирала у меня, готовила и обстирывала меня, криворукого.

– Андрюша, случилось чего? – встревоженно встретила меня соседка.

Случилось. Камнев и раньше мне говорил, что я дурака кусок, вот видно и накаркал. Начал я в дурости самосовершенствоваться.

– Теть Маш, а у вас обогреватель какой-нибудь есть?

– Есть, – недоуменно похлопала она глазами. – А у тебя с отоплением что-то?

Нет, у меня тут гостя с юга, перемороженная слегка.

– Нормально все. Одолжите, а? Я завтра куплю.

Вернулся к себе с напольным тепловентилятором, сопровождаемый любопытным взглядом соседки.

Пристроил его на полу так, чтобы на незваную гостью дуло. Мой телефон затрещал в кармане промокших джинсов, и я ответил, выйдя из спальни. Само собой, меня потеряли. Народ веселится, а я тут бардак в ванной устранил и посуду мою. Весело, чё уж там. И что еще дальше будет. Позвонить Камню и рассказать? Да ну, у него сейчас и так нервы на пределе. Сам справлюсь. Припрятав на всякий случай в сейф и ствол, и цапки, я уселся смотреть телек, но черта с два что там видел. Моя приبلудная загадка засела в башке намертво. Хоть и рассматривать, пока вылавливал и заворачивал, времени особо не было, но грудь ее облапать глазами успел. Сама тонкая, изящная такая, до хрупкости, а сиськи-то у-ух какие. Полные, упругие, соски в рот сами просятся. Чтобы и облизать, и пососать, и на зубок попробовать.

Обстоятельно, долго, пока из бледно-розовых не станут почти пунцовыми, а сама ногами елозить не начнет от возбуждения.

Мой член опять заныл, намекая на то, что остался голодным-холодным сегодня, и я стиснул себя через ткань. И не подумал себе запрещать безобразие, когда фантазию понесло в сторону окончательной похабщины. Вытащил прибор и сплюнув на руку, принялся гонять, представляя, что это не моя ладонь, а скользкая от ее пота и моей смазки кожа между грудей моей загадки. И что она сдвигает их, создавая кайфовую тесноту. Глядя как тогда, только встав на

колени, до того как стала обмороженной. Яйца тут же сжались, в голове замутилось, в позвоночник как кто шокером тыкать стал, гнуло всего.

И лобок у нее гладенький, губки нижние пухленькие, сомкнутые, прячут все сладкое надежно. Скользнуть по ним пальцами, раскрыть для себя. Растереть горячую влагу протекшей для нее головкой, смотреть не отрываясь, как буду проталкиваться в нее. По чуть-чуть, сначала только дразня узкий вход. Самую малость внутрь и полностью наружу, и еще...

Оргазмом по мозгам лупануло знатно. Аж язык прикусил, как дергало всего.

– Ну, бл*дь, приплыли, – прошипел своему отражению в зеркале, смывая следы позора с руки, дошаркав по-стариковски прямо в ванную. – В твоём возрасте самое время превратиться опять в прыщавого дробера.

Зашел в спальню за подушкой и услышал странный звук. Наклонился над моей тайной и понял, что ее трясет и это зубы у нее постукивают. А в комнате-то жарень невозможная. Потрогал лоб – мокрый и горячий как кипятки. Да что же, сука, за везение у меня такое! Потряс девчонку за плечо – реакции ноль. Тряхнул сильнее – глаза приоткрыла мутные, смотрит и явно не видит.

– Пить хочу.

– Охренеть, – раздраженно прошипел я и пошел на кухню за водой и шерстить свою аптечку.

А там у меня одни бинты, лейкопластырь да йод с зеленкой. Ну не помню я, когда болел последний раз. Разве что животом маялся по первости от садистских кулинарных экспериментов Роксаны. Но и тогда колеса никакие не жрал. Само проходило.

Набрал Насонова.

– Боев, ты время видел? Я только лег после дежурства.

– Ром, извиняй, но ситуация тут у меня.

– Опять?

– Ага. Температура у нее.

– Какая?

– Да ху... не знаю я. Нет у меня градусника. Но горячая – п*здец. Сначала нормально все было, накормил, искупалась. Заснула в ванне. А теперь вот вроде как почти без сознания. Воды попросила, а сама и не понимает где, похоже.

– Адрес скажи.

Насонов приехал минут через двадцать. Я успел напоить свой личный гемор, хотя больше мимо рта пролилось из-за того, что зубы ее стучали по стеклу. Ромка взялся ее слушать своей докторской фигней с трубочками.

– Долго она мерзла?

– Да без понятия.

– Давай перевернем.

Мы аккуратно повернули девчонку на живот, и тут меня как оглоблей по затылку огрело.

– Это, на х*й, что такое? – От рыка прямо горло дралось.

Вся спина, поясница и ягодицы «Оксаны» были покрыты бледно-желтыми, а местами еще с легкой зеленцой и синюшностью следами. Меня бухой отец п*здил ремнем в детстве регулярно, куда ни попадая, без разбору, так что я ой как хорошо знаю, как выглядят синяки после такого.

– А ты не знал, что ли? – покосился на меня Насонов. – Думаешь, чего меня бомбануло в больнице.

– Ты что же, решил, что это я? Вот так? Ну спасибо тебе, мужик. Ясное дело, что я могу казаться мудаком иногда, но не до такой же степени!

– Не психуй, Боев. Что я должен был подумать? Ты же ее привел.

– Ты... – У меня слов не находилось, и поэтому просто ткнул в девчонку пальцем: – Лечи давай!

Выскочил из комнаты, ушел на кухню и окно распахнул подышать. Морозный воздух вцепился сразу в потную от жары в спальне кожу снаружи и до предела наполнил легкие. Но в голове все полыхало и бомбило. Эти разноцветные полосы боли на узкой женской спине стояли перед глазами, как бы ни моргал и башкой ни тряс.

«Сколько ты этим занимаешься?» – «Два года».

– Два года, бля. Два *бучих года! Ты хотел знать о ней, а, дебил? И как теперь? В кайф это знание? Хотел знать, как учатся быть вот такими, мертвыми? А вот как!

А ведь я из ментуры ушел вслед за Камневым, потому что за*бало это человеческое дерьмо, что никогда, сука, не заканчивается. Остохренело видеть это, знать каждый божий день. Бороться типа, на деле осозная, что х*йня все это. Ни конца, ни края этому. Всегда будут у*бки, избивающие и насилующие, ломающие других только потому, что сильнее, потому что у них есть власть делать это, просто потому, что им так хочется. Я задолбался ощущать постоянный груз вины за такое. Я хочу жить, забывая на это, раз уж победить нельзя. Жить в кайф, не пялясь ночами в потолок, пока глаза не вылезут, ломая мозг. Я хочу. И вот раз – и, выходит, хотел. Потому что сейчас меня аж крутит и ломает всего от желания знать, кто эти мразоты, что оставили свои поганые следы на коже моей загадки. И хрена с два она от меня соскочит, пока я не добьюсь от нее всей правды до копейки. Найду тварей и заставлю кровью харкать. Может, у нас Камнев всегда слыл чуть психованным, а я вроде п*здобол, которому все по хрен. Но сейчас меня как за глотку кто взял. Ярость не давала вдохнуть нормально. Все, я подписался. Задней скорости у меня ведь нет.

Глава 8

– Тихо! Куда рванула?! – прошипел над ухом смутно знакомый голос, а что-то тяжелое и горячее удержало на месте, придавив в районе груди.

Я хлопала глазами в полумрак, подавляя приступ паники по мере того, как вспоминала, где я и с кем.

– Боев? – вышло еле слышное сипение, и сразу горло сжалось в приступе кашля.

– А ты кого ожидала увидеть? – Он убрал удерживавшую меня ручищу и потянулся к тумбочке за стаканом, на мгновение нависнув надо мной своей широченной грудью. Перед самым лицом очутился один плоский коричневый сосок и негустая поросль золотистых волос.

Не отдавая себе отчета, я чуть приподняла гудящую голову и понюхала его кожу. Он выпрямился резко, будто я его укусила.

– Слышь, загадка моя, ты не балуй пока, – нахмурился он строго, садясь, и, приподняв меня, поднес стакан к губам.

Пахло лимоном и медом, на вкус кисловато. Хорошо.

– Какое число?

– А тебе не пофиг? Или куда опоздать можешь?

– Ты все время возился со мной?

– А были еще желающие?

– Почему?

– А почему нет?

– Ты опять? – Это что? Я улыбаюсь?

Так и есть. И как-то так тихо внутри. Спокойно. Видно, болячка временно все мои силы сожрала. Даже на тревогу их не осталось.

– Опять что?

– Вопросом на вопрос.

– Ну так-то ты это первая начала.

– Ты старше, будь умнее.

– Ага, быть умнее – это прямо про меня. Куда дергаешься?

– Мне в туалет и помыться.

– Сейчас.

Он поднялся, обошел широкую кровать. Как оказалась в ней – не помню, и саму комнату тоже.

– Давай потихоньку.

– Я голая.

– И чё? Я все видел уже. Сиськи зачетные, задница что надо. Не комплексуй.

– Мне холодно, идиот!

Он взял на стуле футболку и натянул на меня.

– Все? Или еще и трусы у меня отожмешь? – И взялся за резинку своих боксеров, естественно привлекая мое внимание к тому, что у него стоял.

– У... нас что-то было? – Вот не похрен ли тебе, Катька. Пользовался он тобой или нет – какая разница? Скажи спасибо, что полудохлую замерзать не выкинул или в больницу не отправил, где сразу бы озадачились установлением твоей личности.

– Я, конечно, тот еще извращуга, но не настолько, – фыркнул Андрей. – Совокупляться люблю и часто практикую, но исключительно с живыми бабами.

Я поежилась от странного контраста. Он говорил, не скрывая насмешливости и цинизма, но вел меня, поддерживая так аккуратно, будто я чертова древняя ваза за целое состояние.

– Осторожно тут, – глянул строго, оставляя наедине с сантехникой.

Закончив самое насущное, я на резиновых ногах подползла к ванной и пустила набираться воду, чуть не навернувшись от головокружения, когда наклонилась пробку заткнуть.

– Ты чего еще удумала?! – тут же вломился Боев. – Рано тебе еще полоскаться.

– Я воняю, как дерьмо, – заканючила я.

– Выглядишь еще хуже, не будем рушить гармонию, – отрезал он, закручивая воду.

– У меня вся кожа липкая от пота. Ну, пожалуйста. Хоть ополоснуться.

– Ополаскиваешься тогда вместе со мной.

– Ты чересчур здоровый. Мы вдвоем в твою ванну не влезем.

– Пф-ф-ф! Уж поверь, у меня огромный опыт по впихиванию чего-то большого и толстого в узкие и тесные места.

– Ладно, я все равно не буду той, кто пол потом вытирает. И не мне соседи снизу предъявлять придут.

Боев опять открутил краны и сунул мою руку под струю.

– Нормально?

– Угу.

Он уселся первым, не снимая трусов, и протянул мне руку. Трикотаж промок и стал почти прозрачным. И я снова уставилась на здоровенную хреновину, что теперь стала видна очень четко.

– Ты хоть прокомментируй как-то, а то я уж не знаю, что и думать, – зафыркал он, чуть приподняв бедра.

– Ты воду решил еще и на стирке сразу сэкономить?

– Залезай, умничаешь.

Я все же сняла его футболку и осторожно опустилась в воду спиной к нему.

– Я предпочитаю принимать ванну классическим способом. М-м-м-м-м, хорошо-то как.

– Так, подобные звуки пока запрещены, – заявил Андрей, обхватывая меня за талию, подтаскивая ближе и роняя себе на грудь.

– Почему?

– Потому что это провоцирует во мне желание послушать, как ты будешь стонать во время секса.

– У тебя что, пунктик какой-то по поводу орущих и стонущих женщин? Хотя с таким размером...

– Что не так с размером?

Мой взгляд упал на сгиб локтя. Следы от уколов.

– Ты врачей вызывал? – тут же напряглась я.

– Выдохни, это Ромка Насонов, он тебя уже смотрел.

– А если он заявит? Такую истерику мне в приемном покое тогда закатил, требуя, чтобы я заявление написала.

– Он думал, что это я тебя так уделал.

– А были прецеденты?

– Бил ли я женщин? Нет. И сразу скажу, чтобы без непоняток между нами: ты мне расскажешь, кто бил тебя. Расскажешь! Вообще без вариантов.

– И что ты сделаешь?

– Что смогу, загадка.

– Ну да. Ни черта ты не сможешь. Разве что сам сгинешь и на меня наведешь.

Тревога растаяла так же мгновенно, как и пришла. Ничего я ему не расскажу. А даже если и могла бы, что он может против Вознесенского и его связей везде и всюду? Ничего. На самом деле, не так уж я и верю, что Дмитрий не найдет меня рано или поздно. Остается надеяться, что поздно, не мальчик он чай, сердечко пошаливает. Или что подыщет другую девочку-вещь. А я пока просто поживу так, как не жила раньше. Пусть и найдет потом, я уже успею.

– Ах, как же горько, что ты совсем в меня не веришь, моя женщина-тайна! – явно паясничая, шлепнул себя по лбу мой спаситель-захватчик. – Кстати, как насчет уже настоящего имени. Я знаю, что ты не Оксана, и ты знаешь, что я знаю.

– Это что, так принципиально?

– Внезапно да. Разве я не заслужил такую малость?

– Почему ты тогда оттолкнул меня?

– Ты о чем?

– Знаешь ведь. О минете.

– Хм... Тему меняешь?

– Интересуюсь.

– Я тебе уже сказал, что не практикую сношений с неживыми партнершами. Есть в этом что-то совсем уж ненормальное, даже для такого озабоченного и всеядного, как я.

– То есть я это делала плохо?

– То есть конкретно ты в этом вообще не участвовала. Имя.

– А разве мужчине есть разница?

– Имя-я-я.

– Да ладно, брось. Туда-сюда – все одно и то же. В чем прикол?

– И-и-имя-я-я-а-а.

– Катя.

Боев замолчал, похоже, прикидывая, вру ли я ему.

– Разница есть. Когда женщина реально хочет тебе отсосать, еще и сама от этого кайф ловит, это охеренно лучше, чем даже любая профи с самой глубокой и неблюющей глоткой.

– Скажешь тоже. Минет – это... – Противно и то, что нужно перетерпеть. – Только для мужчины. Как женщина может от этого кайфовать?

– По твоей логике, мужчина не может кайфовать от куни, потому что это только для женщины.

– От чего?

– Та-а-ак, – протянул он и подцепил мой подбородок, поворачивая к себе лицом. – Вот теперь мне прям сильно интересно стало, что же ты за создание такое. С ходу незнакомому дядьке себя предлагаешь, отсосать для тебя – фигня делов, но при этом про куни не слышала и на самом деле секс тебе на хрен не нужен.

– Я слышала, – не сразу, но я сообразила, о чем он.

Как-то было у нас ЧП в приюте. Парень один, из старших, вздернуться решил. А все потому, что остальные его совсем зашпыняли, обзывая п*здолизом директрисы. Вроде как даже кто-то даже видел... ну... сам процесс. Короче, общее мнение об этом было резко отрицательное, причем и у парней, и у девчонок. Все брезгливо морщились и фыркали.

– Только слышала? Неужто ни разу никто не делал? Выглядишь даже на первый взгляд там очень аппетитной. Да ладно! Ты покраснела!

На самом деле меня внезапно бросило в жар. Потому что от его «аппетитно» в разуме родилась ужасающая в своей бесстыдности картина: боевская башка с коротким золотистым ежиком волос между моих раскинутых бессовестно ног. И вызывала она совсем-совсем не отвращение от такого, казалось бы, как минимум неприятного действия. Мощный импульс, прошивший снизу вверх, заставил резко сжать бедра.

– Скажешь тоже, – фыркнула я, отворачиваясь. – Мне ничего такого и даром не надо.

– Это почему? Потому что секс, по-твоему, по кайфу только мужикам?

Как бы невзначай он переместил свою ладонь с талии мне под правую грудь, мягко подхватив ее, как в чашу. В районе моей поясницы дернулся его член, и, непонятно почему, от этого потянуло в низу живота.

– Вовсе нет. Я знаю, что и женщинам это может нравиться.

Боев шевельнул большим пальцем, легко задевая мой сосок, и тот сразу съежился. И это было... не противно.

– Но не тебе? – Андрей наклонил голову и, едва касаясь, погладил губами кожу за ухом. Почудилось, что от этого волосы у меня на затылке стали шевелиться и вдоль позвоночника потек горячий ручей, что собирался и копился внизу, наполняя все внутри там чем-то тягучим и жарким.

– Не... не мне. – Его палец стал выводить круги по ареоле, отчего она пошла пупырышками, а мне приспичило заерзать на месте. Но я держалась, не шевелясь.

– Вообще ни разу?

Вторую ладонь он положил мне на живот, пониже пупка, как будто мог знать, что именно там сейчас происходит что-то странное.

– Ни разу. – В ванной стало душновато, и я шумно выдохнула, все же чуть сдвинувшись от него. Но от этого воздействие прикосновений его рук только усилилось. – Я – бревно с глазами.

– Да неужели? – Он бесперемонно накрыл мой лобок и сразу, не дав мне успеть напрячься, проскользнул средним пальцем между складок, и меня точно током прошибло, подбрасывая на месте.

– Что ты... – вышло похожим на всхлип, и я схватила его за запястье, намереваясь остановить.

– Тш-ш-ш-ш! – зашипел он в мою кожу и прихватил зубами мочку уха, одновременно немного сжав захваченную грудь. Снова шевельнул пальцем, послав по моим нервам разряд. – Ах ты ж бревнышко какое у меня тут чувствительное и все уже скользкое внутри.

– Боев, не на... – Я впиалась ногтями в его кожу, силясь отпихнуть кисть, что не пойми как превращала меня в дергающуюся марионетку. Но хуже всего то, что в голове зашумело, опустело. Как если бы я собиралась отключиться, но в тоже время по-другому совсем.

– Надо, Катя, ой как надо, – хмыкнул он самодовольно в мою шею, притиснул ближе, начав толкаться стояком в поясницу. – Ну давай, девочка, просто расслабься и дай дяде сделать тебе хорошо.

Его палец теперь непрерывно кружил по дико чувствительной точке. Отталкивать его руку я перестала. Наоборот, вцепилась, то ли держась сама, чтобы не улететь в неизвестном направлении, то ли удерживая его, чтобы не прекращал делать то, что делал. Спину гнуло, в глазах мельтешило и плыло, ноги двигались сами собой, взбивая воду в ванне. Пятки скользили по гладкому дну в поисках опоры, что, казалось, стремительно исчезала из-под меня. Мышцы и нервы натянуло, будто я вся стала струной.

– Вот так, Катюша, давай, кончай.

Хриплое ворчание Боева сработало как спусковой крючок, что со всей дури лупанул там, где все уже было натянуто до предела. Внутри что-то лопнуло, больно, сладко, оглушая и ослепляя. Тело трясло. Сознание отключилось, пропуская через себя сокрушающую все на своем пути волну. И только когда чуть попустило, я поняла, что суть этой волны была чистым удовольствием. Незвестным мне и реально пугающе чрезмерным с непривычки, но да, это был настоящий кайф.

– А мужика-то у тебя и не было ни разу, загадка моя, – тихо засмеялся Андрей мне, обвисшей, как тряпка безвольная, в волосы.

– Был.

– А я говорю, что не было.

Глава 9

– Эй, ну только не опять! – проворчал я, услышав, как Катька засопела почти сразу, как только ее оттрясло после оргазма. – Ну а чего ты хотел, долбоящер? Ответной дробки или чего покруче? Она же еще еле ползает.

Зуб даю, что оргазм был первым в ее жизни. Если бы она хоть раз до этого кончала, то не реагировала бы так: шок, паника, отчаянные попытки вернуть себе контроль.

– Не понимает она, отчего бабы орут, ага, – фыркнул себе под нос.

А сама-то как запела. Не знаю, как и сдержался, чтобы не насадить ее на себя, еще дрожащую, кричащую. Пальцами чувствовал, как она внутри вся сжималась. Горячая, влажная, тугая – хоть ори, какая вся лакомая. Была бы уже на члене – меня бы и этими спазмами ее одними сто пудов бы догнало. Но куда я сунусь без резины. Да и просто пронаблюдать во всех нюансах от начала до конца, как моя «деревянная» загадка кончает впервые, было тем еще неповторимым кайфом. Что, перевернул я твой мир, девочка? А это только начало. Не помню уже за собой такого азарта, сосредоточенного на одной женщине. Мало мне было, что аж клинануло на том, чтобы выяснить, найти и раз*башить в кашу кровавую тех, кто Катьку бил да превратил вот в такое поломанное, почти неживое существо. Теперь мне все это исправить хотелось. Я же тебя из лап своих не выпущу, загадка моя, пока не покажу все те способы, которыми женщине можно делать хорошо. Только оклемайся чуток – и ты у меня летать будешь ночами напролет и любую свободную минуту днем, пока совсем не забудешь, что тебя, считай, покалечили какие-то криворукие членоносцы. Мужиками такое не назвать. Все понимаю, Катька – девочка красивая, прям глазам больно, такая, что лапы загребушие сами собой к ней притягиваются. Но сунул лапы и член – так будь любезен хоть и ее тогда не обидеть по части удовольствия. Она же вон еще молодая совсем, так недолго у бабы навсегда к сексу тягу отбить. Хотя о чем это я. Те следы на спине, что сейчас уже почти сошли, и есть всему объяснение. Никого не колыхало ее удовольствие или его отсутствие.

Ну ничего, Катюха, я все исправлю. Будет у меня за душой хоть одно хорошее дело в жизни. Расстараюсь, будет тебе небо в алмазах. Только потом сама уж больше ни с каким долбо*бом не свяжись. А то тянет вас баб на таких вечно.

Только подумал о том, кому однажды достанется кусочек такой сладкий, и что-то такой жадностью жгучей прикрутило. Даже челюсти свело. Но это когда еще будет, сейчас-то вот она, сопит доверчиво в руках моих.

Мой телефон затрезвонил уже не в первый раз, да и вода остывала. Пора вылезать. Поднимался с Катькой на руках, кряхтя, что тот дед столетний. Неудобно же из такого положения, и не мальчик уже. Еще и яйца гудят и чуть не грюкают без разгрузки. Ничего, скоро-скоро. Опять проявил чудеса ловкости, пеленая соню в полотенца. Камнев еще ждет пополнения, а я уже обзавелся, считай. Корми, таскай, лечи, купай, в кроватку укладывай. И главное, все мне по приколу, не напрягает. Кто бы знал. Может, пришло оно наконец то самое время, когда пора обзавестись спиногрызом с женой в придачу. А то потом совсем старый пердун-ворчун стану и оно не надо будет.

Приходишь домой, супружница тебя встречает. Котлеты, борщи, чаек. Чирикает чего-нибудь. Сын дневник показывает. Типа уют, и опять же всегда баба теплая под рукой, даже если нет времени куда за переписом промотнуться. Ты ее жарить качественно, обеспечиваешь, а она тебя за это ждет, заботится. Любит.

Катька завопилась, когда в постель укладывал, и вдруг вскинулась. Уставилась мне в лицо, глазами захлопала, будто другого кого ожидала увидеть.

– Катька, а ты борщ готовить вкусный умеешь?

– Умею я все, – буркнула она сонно и увалилась назад, отворачиваясь.

Может, я тебя себе оставляю? – спросил сам у себя, пока шел на кухню за телефоном.

Ну а чё? Отогрею ее, заласкаю, научу всему, как мне надо. Красивая она, стоять на нее будет исправно, а хорошо траханная баба на сторону не пойдет. Мне такого с женой не надо. Девки девками, а жена одни руки с членом знать должна.

– Боев, ты совсем охренел, в офисе третий день не появляешься? – зарычал Яр мне в ухо. – Заболел, что ли?

Его право злиться. Я первые три дня свою болящую хоть на тетю Машу бросал и по работе мотался, а теперь у соседки внук заболел вот и сижу уже трое суток, как привязанный. Отец-одиночка прям. Еще и извращуга.

– Не бухти, Камнев, у меня тут кой-какой форс-мажор.

– Что случилось?

– Девушка случилась. – Бродячая, со стволом и кучей побрякушек на энную сумму.

– То есть ты из-за бабы на работу забил? Когда уже набл*дуешься, а?

– А может, я уже, – фыркнул в ответ.

– Ну да, шутка года.

– Ой, не начинай, Камнев, давно ли сам из-за бабы умом подвинулся, по крышам лазил и в отпуск с лёту ушел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.